

Большую роль в деле воспитания детей играют местные медицинские и детские учреждения. Благодаря работе этих учреждений неуклонно растет уровень культуры быта на селе, в сознании населения активно внедряются современные представления о санитарной гигиене и т.д. Безусловно, проблемы присмотра за детьми не существует в тех семьях, где есть пожилые люди, не занятые на производстве.

Родители создают все условия, чтобы их дети могли прилежно учиться, участвовать в общественной жизни, заниматься в кружках художественной самодеятельности, посещать спортивные секции. В семейном воспитании основную роль играют проявление заботы, чуткости, правдивости и т.д.

Л.Ф. Попова, О.В. Старостина

ЗНАКОВАЯ МАРКИРОВКА ВОЗРАСТА В ЖЕНСКИХ ПРИЧЕСКАХ НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА

Настоящий очерк подготовлен в рамках регионального подхода к изучению явлений традиционной культуры народов Средней Азии и Казахстана, что и определило его главную цель — выделить общие принципы изменения прически женщины на разных этапах ее жизни, отметив при этом некоторые частные варианты, обусловленные этническими, локальными или другими факторами. Региональный подход потребовал привлечения сравнительных материалов по соседним со Средней Азией культурным областям.

Первыми ритуальными манипуляциями с волосами ребенка являлась стрижка утробных волос, которая часто осуществлялась на втором году жизни, но нередко и позже, в целом до пяти лет, причем для мальчиков обряд предпочитали проводить в нечетные годы жизни, так же как и обрезание, а для девочек — в четные. Среднеазиатский регион находился в зоне традиции, предписывавшей оставлять ребенку определенную часть волос, выбывая остальные. Эта традиция, по всей видимости, очень древняя, поскольку охватывает широчайший круг культур: тунгусо-маньчжурские народы, монгольские, тюркские, иранские, в том числе и припамирские народности. Д. Баяр, исследовавший прически средневековых монголов, отметил существование обычая частичного бритья головы у сянбийцев и ухуаней (1 половина I тыс. н.э.) (Баяр 1993: 113).

В связи с темой нашего исследования закономерен вопрос: разделялась ли первая прическа по полу? Однозначного ответа

на него источники не дают. Некоторые из них сообщают, что мальчиков и девочек стригли одинаково, но имеются сообщения, что прически различались. Обобщение имеющихся сведений позволяет сделать предварительный вывод о том, что в конце XIX в. преобладал вариант одинаковой прически. Это можно объяснить тем, что в традиционной культуре народов среднеазиатско-казахстанского региона пол у детей младшей возрастной группы обычно не подчеркивался ни в одежде, ни в головных уборах, и девочку и мальчика называли *бала* — «ребенок».

Наиболее распространенный вариант детской прически представлял собой один–два пучка на каждом виске и пучок на темени или затылке. Если прическа различалась по полу, то варианты могли быть следующие: для девочек оставляли пучки на висках и темени, мальчикам — только на темени или девочкам — только на висках, мальчикам — только на темени. Данной модели соответствуют детские прически ряда народов Центральной Азии. Так, у теленгитов девочкам оставляли волосы на висках и темени, а мальчикам только на темени, причем мужчина носил эти волосы всю жизнь. Таков же был этот обычай у хакасов и тувинцев (Клюева, Михайлова 1988: 118).

У девочек дополнительное значение могло придаваться челке, особенно если девочка была долгожданным или любимым ребенком. Любопытно, что в Самарканде девичью челку подстригали скобочкой (Сухарева 1982:), что соответствует форме челки у средневековых монголов, по описаниям францисканца брата Иоанна (Юрченко 2004: 64). Челка как основной вариант девичьей прически, причем со специфически девичьим налобным украшением, типична для кочевых народов Афганистана (Рахимов 1993: 105).

Пряди на висках, а также челка обычно назывались *кокулъ*. Этимология этого слова не вполне ясна, общее значение, даваемое словарями, — «локон», «завиток», «коса». В.В. Радлов указывает на персидское происхождение этого термина, но обратим внимание на то, что он укоренился в монгольских, тюркских, иранских языках на огромной территории Передней, Средней и Центральной Азии. Возможно, что его распространение в Центральной Азии относится к тому периоду древности, когда иранский компонент доминировал на этой территории. О древности слова *кокул* свидетельствует и тот факт, что у казахов и киргизов аналогично назывались оставленные после стрижки пряди гривы или челки жертвенного коня. Как известно, обряды, связанные с жертвоприношением коня, могут восходить к древнейшим индоиранским пластам культуры.

Различие между полами в большинстве культур Средней Азии начинало внешне оформляться по достижении детьми 5–7 лет. С этого возраста повсеместно девочкам начинали отращивать волосы на затылке, но виски и темя выстригали по-прежнему. Поэтому прическа этого периода весьма неопределенна, и этим объясняется масса ее локальных вариантов. Где-то волосы не заплетали вовсе, где-то переходили к ношению мелких косичек. Видимо, именно такая неопределенность прически у девочек способствовала появлению у монголов обычая прикрывать волосы в период отращивания, поскольку девочки «стыдились» (Галданова 1987: 49), хотя, как известно, девичьи волосы не принято было закрывать.

Важнейший этап в жизни девочки — достижение половой зрелости — мог быть отмечен семейным торжеством, где происходила и смена головного убора, и смена прически: волосы заплетали в косы, после чего их больше не стригли. Семантика данного действия заключалась в символической конденсации жизненной энергии, необходимой для выполнения главной задачи женщины — продолжения рода.

Вариантов девичьих причесок у народов Средней Азии было довольно много. Наиболее распространенным из них являлось ношение четырех–пяти кос, что нашло отражение и в фольклоре узбеков Ташкента, где девушка и молодуха называются *беш-кокуль* — «пяतिकосная» (Сухарева 1954: 313). Где же располагались эти косы? Обычно по две на каждом виске и одна на затылке или темени. При варианте в четыре косы — только на висках, при варианте три косы — по одной на висках и одна на темени. Как видно, расположение девичьих кос совпадает с расположением выстриженных пучков утробных волос, но только у девушки волосы в отличие от прически ребенка оформлены. Здесь нам хотелось бы подчеркнуть, что в среднеазиатской традиции женская прическа на знаковом уровне радикально не отрицает предшествующего жизненного состояния, напротив, в ней сохраняется преемственность отдельных элементов, но подчиненных новому качеству. Эту особенность мы уже отмечали на примере головных уборов, где ситуация аналогична (Попова, Старостина 2005: 110).

Другим распространенным вариантом девичьей прически являлось ношение большого числа кос (более десяти). Возможно, что этот вариант также был старинным. Так, например, А.И. Левшин сообщает, что «незамужние заплетают свои волосы в многие тоненькие косы» (Левшин 1832: 47). Многокосная девичья прическа имеет ряд параллелей в Центральной Азии: она быто-

вала у бурят и монголов. В сельскохозяйственных оазисах Средней Азии многокосная девичья прическа наибольшее распространение имела в городах.

Независимо от варианта девичьей прически отчетливо прослеживается ее инверсия по отношению к женской. Девичьи косы заплетались высоко, ближе к макушке, женские — низко, ближе к шее, девичьи косы плелись из пяти прядей — женские из трех, причем у девушек пряди при плетении закладывались наверх, а у женщин — под низ. Плетение девичьих кос было более плотным, женских — слабее. Девушки обычно носили косы на груди, а женщины на спине. Тяжелые подвесные наконечники предназначались для женщин, у девушек же концы кос закреплялись посредством фитильков из ваты или скромными в отношении декора косоплетками. И для девичьей, и для женской прически в среднеазиатской традиции были характерны искусственные косы. Например, на Памире их делали из шерстяных нитей — красного цвета для девушек и молодых, черного — для женщин (Широкова 1976: 107). Оппозиция «четное — нечетное» выражена неявно, но все же число кос у девушек скорее нечетное, а у женщин — четное.

Тенденцией в изменении девичьей прически по мере приближения к свадьбе являлось увеличение числа кос. На Алтае и в Монголии, наоборот, девушки в 15–16 лет носили одну косу. Этот вариант для Средней Азии очень редок и отмечен только у уйгуров.

На протяжении свадебной церемонии прическа могла изменяться не один раз, отражая изменения в ритуальном статусе новобрачной. К началу свадебных торжеств невесте делали девичью прическу. После брачной ночи молодой женщине у таджиков во многих областях выстригали локоны, обычно по два на каждом виске, для которых предназначались особые украшения в виде трубочек, куда локоны и помещались. Несомненно, что знаковый смысл выстригания локонов — в символическом прерывании, «подрезании» предшествующего состояния женщины. Кроме того, этот обычай обнаруживает параллели со стрижкой утробных волос, что, возможно, было важно с точки зрения магической защиты новобрачной. Правда, эти локоны назывались уже не *кокуль*, а *зульф*, что по-персидски значит «завиток». *Зульф* считался элементом прически замужней женщины, который она носила до преклонных лет.

Молодوخа до рождения ребенка продолжала носить девичью прическу. Интересно, что к девичьей прическе в пять кос возвращалась и молодая бездетная вдова.

Изменение девичьей прически на женскую, так же как и изменение головного убора, происходило в большинстве случаев после рождения первенца, поскольку, как известно, в Средней Азии именно материнство знаменовало переход женщины в следующий возрастной класс. Наиболее распространенным вариантом женской прически в Средней Азии являлись две косы. Однако зачастую у молодых матерей имел место компромиссный вариант, когда эти две косы дополнялись косами на висках, причем довольно многочисленными, и лишь с возрастом их число постепенно сокращалось. К ношению двух кос женщины иногда переходили только после обрезания старшего сына.

В прическах пожилых женщин были возможны только две косы. Эти косы либо носились на спине, скрепленные между собой, либо по-девичьи перекидывались на грудь. Возобновление в прическе пожилых некоторых черт девичьей прически являлось знаком прекращения периода фертильности. Так же как девочки, пожилые женщины в Таджикистане заплетали тоненькие косички *ниччи* на лбу по линии роста волос. Основные косы старухи могли подворачивать, что в символическом смысле можно рассматривать как укорачивание кос в противовес их удлинению женщинами детородного возраста. Также концы кос пожилые таджички завязывали узлом, словно препятствуя их росту.

В траурных прическах женщин демонстрировалась инверсия по отношению к обычному состоянию. Волосы в зависимости от степени траура полностью или частично расплетают, не расчесывают, рвут, частично или значительно остригают.

Итак, в среднеазиатской традиции прическа являлась важнейшим знаком принадлежности женщины к тому или иному возрастному классу и, более того, к различным градациям внутри возрастных классов. В целом для народов Средней Азии характерна скорее общая модель вариантов возрастных причесок, при многих сходных моментах отличающаяся от таковой в Центральной Азии и других соседних регионах. Соответственно это обобщение может рассматриваться в пользу тезиса о своеобразии Средней Азии как самостоятельного историко-культурного региона.

Библиография

Баяр Д. Прически монголов в XIII–XV вв. // Из истории хозяйства и материальной культуры тюрко-монгольских народов. Новосибирск: ВО «Наука», 1993. С. 113–124.

Галданова Г.Р. Возрастные переходные обряды у монголов и бурят // Международный конгресс монголоведов (Улаан-Батор, сентябрь 1987 г.):

Доклады советской делегации. Улан-Удэ: Издательство восточной литературы, 1987. С. 44–53.

Клюева Н.И., Михайлова Е.М. Накосные украшения у сибирских народов // Сборник МАЭ. Л.: Изд-во АН СССР, 1988. Т. XLII. С. 106–128.

Левшин А.И. Описание киргиз-кайсацких орд и степей. Часть третья: этнографические известия. СПб., 1832.

Попова Л.Ф., Старостина О.В. Знаковые средства маркировки возраста в женских головных уборах народов Средней Азии и Казахстана // Лавровские (Среднеазиатско-Кавказские) чтения 2004–2005 гг.: Тезисы докладов. СПб.: МАЭ РАН, 2005. С. 100–102.

Рахимов Р.Р. Дети и подростки в афганском обществе // Этнография детства: Традиционные формы воспитания детей и подростков у народов Передней и Южной Азии. М.: Наука, 1983. С. 89–117.

Сухарева О.А. Древние черты в формах головных уборов народов Средней Азии // Среднеазиатский этнографический сборник. М.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 299–353. (Труды Института этнографии, новая серия, том XXI.)

Сухарева О.А. История среднеазиатского костюма. Самарканд (2-я половина XIX — начало XX в.). М.: Наука, 1982.

Широкова З.А. Традиционная и современная одежда женщин горного Таджикистана. Душанбе: Дониш, 1976.

Юрченко А.Г. Мужская прическа XIII в. // MONGOLICA-VI: Сб. ст. СПб.: Петербургское востоковедение, 2003. С. 63–68.

И.В. Стасевич

ДОБРАЧНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ТРАДИЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ КАЗАХОВ

Следуя нормам казахского адата, после уплаты основной части калыма жених имел право посещать свою невесту. Иногда первое официальное посещение (*урын-бару*) было и первым знакомством будущих супругов. В источниках говорится о том, что уже в это время жених мог оставаться на ночь в ауле невесты и после первого открытого посещения, еще до бракосочетания, достаточно часто навещал ее (Алтынсарин 1870: 111; Востров 1956: 37). Эти встречи назывались *калындык-уйнау* (Плотников 1870: 129) (*калындык-ойнау*. — И. С.) — «игра с невестой». Если жених с невестой были знакомы, то еще до первого официального посещения женихом аула родителей невесты после урегулирования всех вопросов, связанных со сватовством, юноша тайно